

23 декабря. Лаврентия

Привет, Веро!

Билибино — Чукотка, и Анадырь — тоже, но Лаврентия — это Чукотка концентрированная. Как у американцев Техас. Только там все самое богатое, а здесь всё самое бедное.

От увиденного пришел в ужас, но подморозило, выпал снег (здесь его не было!) и прикрыл серость. Погода отличная. Днем солнце, ночью звезды и луна. Возможно, я увижу наконец северное сияние. Сразу за моим окном начинается тундра. Даже жутко: не заявится ли ночью медведь? Ведь у меня первый этаж, а белые медведи на задних лапах запросто достают до третьего...

Я живу в доме, мало отличающемся от советских пятиэтажек, и мне понадобилось вынести мусор. Обычно, если мусоропровода в доме нет, мусор выносят во двор и высыпают в специальные контейнеры, которые затем вывозятся. Полагая, что и в Лаврентия дело обстоит именно так, я вышел во двор, обошел дом, но контейнера не обнаружил. Впервые в жизни вернулся с мусором. Стал выяснять. Оказалось, система здесь такая: около семи вечера к жилым домам подъезжает огромный грузовик-мусоровоз. Надо выйти, подать ведро мусорщику, и тот вывалит мусор прямо в кузов, где находится и сам. Чтобы народ в ожидании мусоровоза не мерз, мусорщики при подъезде к дому подают сигнал. Теперь мне ясно, чем вызваны душераздирающие сирены, раздающиеся из разных концов поселка примерно в одно время.

Я уже воспользовался услугой мусоровоза и признаюсь, что данный способ весьма эффективен. Когда под окнами воеет сирена, наподобие той, услышав которую нужно бежать к бомбоубежищу, невольно хватаешь мусор. Поскольку я обитаю в квартире, где еще недавно жил главный лаврентьевский начальник, к моей двери

мусорщики подъезжают особенно близко, причем каждый вечер, независимо от того, накопился ли мусор, а сигналият так усердно, что можно сойти с ума. Поэтому я заранее готовлю какой-нибудь хлам, чтобы, услышав сирену, тотчас бежать к мусоровозу. Иначе не смолкнет.

Теперь о главном.

Я тебе уже писал, что Младенец-2000 вряд ли родится на Чукотке. Но раз уж попал в Лаврентия, то стараюсь навести справки и выяснить, каково состояние с роженицами здесь.

Родильное отделение расположено на втором этаже районной больницы. Это крайнее здание в поселке, в километре от моего жилища. Я не стал скрывать цели приезда от главы администрации, тем более что это молодая женщина, и, конечно, она не могла остаться безучастной. Она позвонила в роддом, и, когда я туда пришел, меня уже ждала заведующая отделением — Маргарита Родионовна. Она самая опытная акушерка в районе. В Лаврентия попала почти тридцати лет назад, после окончания института. Благодаря таким, как Маргарита Родионовна, поселок и сравнивали когда-то с Парижем.

Я рассказал о своей затее, о том, как искал рожениц в Билибино и Анадыре. Маргарита Родионовна, конечно, знает о приказе строго следить за рождением Младенца-2000, только помочь едва ли сможет. Кандидаты среди рожениц есть: Ира и Лена из Лаврентия, а также двадцатилетняя Инна из Нешкана. Но когда они разродятся — неизвестно. Десять дней назад привезли Эльвиру из Энурмина. Но она должна родить только в первой декаде января. В 1998 году в Чукотском районе приняли сто десять родов. (У окружного акушера почему-то отмечены девяносто восемь.) Последний ребенок 1998 года родился 14 декабря, а первый 1999 года — 4 января. В ночь на Новый год здесь еще никто не рождался, а самые предновогодние роды были 31 декабря 1996 года, в семь часов вечера.

Приезжее население в этом году рождает больше: тринадцать детей. В прошлом родили лишь пятерых. Почти все роженицы — первородки. А вот в тундре сейчас не рожают. Маргарита Родионовна обзванивает акушеров, работающих в поселках, чтобы те следили за оленеводческими бригадами и точно знали о всех беременных. В 1996 году было много родов в участковых больницах. Там оборудованы родильные залы на всякий пожарный случай: если роды начнутся раньше времени или если за роженицей не сможет вылететь вертолет. Но вообще, рожать должны в районной больнице. В 1998 году в поселках было принято двенадцать родов, а в текущем году — всего у троих. Остальных рожениц удавалось своевременно вывозить в Лаврентия. Вот и сейчас вывезли почти всех. Только в Лорине (сорок километров от Лаврентия) остается беременная, которая должна родить в первых числах января. Она наотрез отказалась ехать в роддом: у нее шестеро детей, и она намерена встречать Новый год с ними. Акушеры боятся, что у нее роды могут начаться внезапно, так как каждого последующего ребенка рожают чуть раньше намеченного срока.

Итак, помимо принятия родов, главное для акушеров — выявлять рожениц и своевременно вывозить их в Лаврентия. Последнее осуществить непросто. Еще из Лорина можно вывезти наземным транспортом. Из остальных поселков — только вертолетом. Расстояния здесь такие... До Энурмина полтора часа летом, до Нешкана и того больше. Стационарного вертолета в Лаврентия нет. Приходится заказывать из соседнего района. Это лучше, чем ничего, но пока вертолет закажут, пока он прилетит в далекий поселок, заберет роженицу и долетит до Лаврентия... А счет иной раз идет на минуты. Поэтому особые надежды врачи связывают с новой начальницей района, которая, помимо прочего, обещает раздобыть для Лаврентия собственный вертолет.

Вывозить рожениц стараются по прошествии тридцати шести недель беременности. К сожалению, все они изможденные и истощенные. В Инчоуне, Энурмине, Нешкане ситуация хуже

некуда. Люди недоедают. У всех авитаминоз. Беременность требует большого количества витаминов, нужны овощи, фрукты, соки, — но какие здесь соки? какие фрукты? Люди хлеба досыта не едят, а масла сливочного не видят вовсе. Конечно же, это сказывается на детях, которые рождаются с дефицитом веса и гипотрофичные. Много родов с патологией, с врожденными уродствами, с тем, что у нас называют «заячьей губой» или «волчьей пастью». Когда дети подрастают, им делают операции.

Чукчанки и эскимоски резко отличаются от всех рожениц, которых повидала Маргарита Родионовна. Как и все акушерки, с которыми я встречался, она отмечает их поразительное терпение. При родах они будто не испытывают боли. И рожают быстро. У чукчанки может всю родовую деятельность, а она даже не почувствует схваток.

По обычаям этих народов, при родах нельзя кричать и даже стонать. Считается, что криком можно вызвать злых духов (kelet), и тогда ребенок окажется больным, а то и вовсе погибнет. Когда-то рожали в ярангах, причем сидя. Некоторые специалисты даже сейчас рекомендуют рожать в таком положении, и Маргарита Родионовна, принимая роды, иногда применяет такой способ. Когда всю схватки, а плод плохо продвигается, она заставляет роженицу присесть и рожать так, как рожали их предки. Говорит, головка ребенка сразу начинает продвигаться. У чукчанок и эскимосок таз более широкий, а кости тоньше. Природа будто специально создала северных женщин такими, чтобы они могли больше, легче и быстрее рожать. К тому же наделила их терпением.

Ну а как ведут себя чукотские мужчины?

Звонят и приходят в больницу только лаврентьевские и лоринские. Из других поселков сюда добраться непросто, а на вертолете доставляют лишь роженицу. Муж подождет в поселке. Покидать надолго дом и работу он не может. Конечно, мужчины больше радуются сыновьям. Женщина из Лорина, которая уже родила шестерых, тоже надеется родить мальчика. Все шестеро у нее — девочки!

В тундре рожают много, потому что от этого зависит будущее семьи. Нужны мужчины — завтрашние охотники и оленеводы, без которых семья не выживет. Один сын — уже надежда. Двое — надежда плюс уверенность. Трое сыновей — счастье для чукотской семьи. Это гарантия будущего. Вот почему от женщины ждут сыновей, и они рожают до тех пор, пока не появится на свет долгожданный наследник.

Женщина — хозяйка яранги. Она ставит полог — святая святых семейного очага, шьет ярангу, зажигает жирник, дающий тепло и свет, поддерживает огонь. Если пурга, она укладывает детей раньше обычного: ничего нельзя делать, только молча лежать, чтобы не злить духов. Женщина тушит жирник и засыпает последней. Но мужчина уходит на охоту в четыре или даже в три утра. Значит, хозяйка встает еще раньше. Она должна накормить мужа, напоить чаем, проследить за одеждой и проводить в дорогу. Потом она готовит пищу для детей, будит их, кормит, после чего наводит порядок и занимается хозяйством... Быстро течет время, и вот уже охотник возвращается. Хорошо, если с добычей. Женщина встречает его, кормит. Потом укладывает уставшего после трудной и опасной охоты мужчину спать, а сама приступает к разделке добычи: нерпы, птицы или рыбы. Её надо расфасовать, подготовить к сохранности, затем предстоит выделывать шкуру, топить жир; летом нужно заготовить съедобные травы и растения, сушить мясо на вешалах, вялить рыбу; к зиме надо шить торбаса, шапки, водонепроницаемые нерпичьи штаны, куртки из моржовых кишок; надо чинить байдары, ремонтировать полог, и еще столько должна успеть сделать женщина, что времени не хватит все перечислить. Добавлю, что именно женщина наиболее искусна в косторезном ремесле, несравненная мастерица вышивки бисером, хранительница преданий и сказок, традиций и обычаев, но сверх того, сверх всего, она должна приносить потомство...

Можно ли при такой жизни рожать медленно и болезненно, позволять себе слабости и нежности? А спустя два-три дня после родов чукчанки или эскимоски уже выполняют работу в полном объеме. Но если жена не приносила сыновей, муж уходил к другой, и уже та рожала ему наследника. А оставленная не роптала, не возмущалась. Она понимала, что не исполнила для мужа главного. Но если мужчина способен прокормить двух жен, он их кормил, и они рожали ему детей, без претензий к сопернице.

Что к этому добавить?

Только то, что не мужчина, а женщина действительно глава семьи и очага. Смирясь с главенством мужчины, безоговорочно признав его властителем и господином, женщина не задумывается о своей роли. Молчаливо рожая одну за другой дочерей и мечтая обрадовать мужчину сыном, она именно девочками — будущими хозяйками яранги — продлевает жизнь не только отдельной семьи, но и всего северного народа. Где еще женщина играет такую всеохватывающую, всеобъемлющую роль, да еще столь смиренно и горделиво-послушно? И уж точно, если эти маленькие и тщедушные народы не исчезли, то лишь благодаря своим женщинам.

И в России все держится на них. И мы тем, что ещё не исчезли, обязаны своим женщинам, которые тащат на себе наш захудалый быт. Но у нас это происходит вынужденно, оттого что неустроенность и безысходность подавили мужчину, который сник, спился и пропал. Женщина потому не может позволить себе пропасть, что на ней дети. Хочешь-не хочешь, а приходится тащить. А в тундре роль женщины такова изначально. Там по-другому быть не может.

Вернусь к разговору с Маргаритой Родионовной.

Она приехала на Север из Новосибирска, где закончила медицинский институт. О Чукотке была наслышана от родственников: тетька жила в Магадане, а дядя — в Анадыре. Приезжая в отпуск, они рассказывали о насыщенной событиями

жизни, воспевали северные красоты, сами отличались необычностью и, кроме того, были обеспечены. Они-то и заманили племянницу. Маргарита попала сначала в Магадан, а затем в Анадырь, в распоряжение окружного акушера. Там спросили: «В Чукотский район поедешь?» А какая разница, где работать, если все одинаково неизвестно. Тем более что Анадырь начала семидесятых энтузиазма у молодого врача не вызывал. Больница располагалась в старом здании барачного типа. В одном помещении хирургия, родильное отделение, терапевты. К тому же погода в те дни стояла прескверная — дождь, ветер, слякоть, холод. Еда была: сухое молоко, сухая картошка и рыба, рыба, рыба... Словом, Маргарита предпочла Лаврентия. В октябре 1970 года она прибыла в «чистенький, тихий, теплый и уютный поселок», в который сразу влюбилась.

Потом она влюбилась в мужчину, вышла замуж и в 1972 году уехала в Providenia, куда перевели мужа. По словам Маргариты Родионовны, Providenia в сравнении с Лаврентия проигрывает. Здесь и тундра красивее, и залив чудесный, и море рядом, а в Providenia сплошные чёрные сопки да холодное море. Зимой весь поселок в дыму и саже. Наверное, были и какие-то личные мотивы, от которых даже самые прекрасные пейзажи тускнеют. Я не спрашивал. Прожив в Providenia два года, Маргарита Родионовна вернулась в Лаврентия.

Серым и неприветливым поселок был не всегда. Главная акушерка с болью говорит о сегодняшнем Лаврентия. Старые, барачного типа здания рушатся. Их бы снести, а людей переселить, но новые дома не строят. Жители уезжают при первой возможности. Русских осталось мало. В Нешкане — две или три семьи; в Энурмине — одна; в Инчоуне, кажется, никого; в Уэлене — две или три; в Лорине — чуть больше. Местное население старается переехать в Лорино или в Лаврентия. Здесь и снабжение лучше, и работу можно найти. В поселках работы нет совсем. Даже санитаркой не устроиться. В Лаврентия хоть самолеты летают, привозят кое-какие продукты, лекарства, а в отдаленные поселки

ничего не доходит. Сейчас вот Уэлен остался без продуктов. Туда на вездеходах, на собачьих упряжках, как угодно доставляют продукты из Инчоуна. А некоторые из уэленцев приезжают за покупками в Лаврентия, за сто сорок километров! С лекарствами проблема. Из районной больницы их стараются отправлять спецрейсами, но полеты здесь могут не выполняться по месяцу, а то и по два. Погода не позволяет.

Не только Маргарита Родионовна, в Лаврентия все знают, как обстоят дела в поселке, в районе, вообще на Чукотке. Здесь нет того отчуждения, которое царит на материке. Так ли уж беспокоит жителя Костромы то, что творится в Вологде? А челябинца сильно ли волнуют заботы соседнего Екатеринбурга? Постольку-поскольку. Здесь же — волнуют. Жители Крайнего Севера ощущают себя единой, отличной от остальных кастой. Не лучшей и не худшей, а другой, особенной. Такое же единение чувствует команда хорошего боевого корабля, где морякам разных должностей и званий небезразлично самочувствие каждого члена команды, состояние всякой, даже незначительной, детали.

Каким видит Маргарита Родионовна будущее Лаврентия?

Самый бедный и запущенный район обещают возродить, и все надежды связывают с Валентиной Васильевной — новой главой района. Она из Лаврентия и знает о здешних бедах не понаслышке. В 1998 году персонал больницы сократили вдвое. Терапевтическое отделение перевели в хирургическое. В результате рядом с прооперированными находятся инфекционные, бронхиальные больные, там же и беременные. Сейчас собираются все восстанавливать. Маргарита Родионовна работает в Лаврентия три десятилетия. Случается, она принимает роды у тех, кто сам появился на свет благодаря ей. Бывает, роженица говорит: «А моя мама у вас рожала!» Казалось, уже ко всему привыкла, все прошла, всего насмотрелась. И все-таки, лишь только заходит разговор о родах, ее начинает трясти:

«Что-то вроде озноба начинается. Бывают очень трудные роды, когда неизвестно, чем они закончатся. Иногда чувствуешь, что ребенок страдает, но нет возможности помочь ему в самый трудный для него момент. Нет средств поддерживать сердце, легкие, чтобы ребеночек нормальным родился, чтобы не проводить после родов реанимационные мероприятия. Дети рождаются ослабленными, тяжелыми, и нечем вывести их из этого состояния. Нет аппаратов для поддержания дыхательной системы, нет гормонов, чтобы подготовить женщину к родам, чтобы не было патологии. Обходимся тем, чем можем. И конечно, если ребенок рождается здоровым, то большей радости у меня нет».

Я спросил, отличаются ли при рождении материковые дети от коренных.

Маргарита Родионовна ответила, что поведением не отличаются, но особенностью чукчей и эскимосов являются темные пятна на ягодицах или на спине. Она видела их также у цыган, когда еще училась в институте. Пятна бывают у казахов, у татар, вообще у тюркских народов. А вот у грузин или армян — не заметила, хотя роды у их женщин принимала. Величина такого пятна примерно десять сантиметров. У кого-то больше, у кого-то меньше. Со временем они исчезают.

Маргарита Родионовна рассказала, что буквально вчера здесь родила одна чукчанка. У нее были первые роды. Парень, от которого она родила, — чукча. А сама она — кудрявая, что для чукчанки редкость. Начали ее «пытать». Оказалось, папа у неё — из цыган. Она его даже не видела. Тот приехал, поработал и уехал и даже не знает, что у него здесь дочь, а теперь и внучка... Так вот, девочка эта родилась здоровой, красивой и с темными пятнами.

Не знаю, какими рождаются французы, но вот о чём думаю: не с такими ли пятнами родился Пушкин? Вроде бы когда Надежда Осиповна его рожала, то увидела, что ребенок тёмный, не такой, как все. Может, у него были эти самые пятна? Все же Александр

Сергеевич — «потомок негров безобразной»... Вернусь в Москву — разузнаю.

Привет Парижу!

«...Во всех концах дома было разлито и владело всеми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя в своей комнате. По поверью, что чем меньше людей знает о страданиях родильницы, тем меньше она страдает, все старались притвориться незнающими; никто не говорил об этом, но во всех людях, кроме обычной степенности и почтительности хороших манер, царствовавших в доме князя, видна была одна какая-то общая забота, смягченность сердца и сознание чего-то великого, непостижимого, совершающегося в ту минуту... Таинство, торжественнейшее в мире, продолжало свершаться. Прошел вечер, наступила ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не спал».

Л.Н.Толстой. «Война и Мир»

Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя».
4-изд., С.-Петербургъ, 1891, с.324

«...Вырабатывая потуги, роженица должна спокойно лежать на спине, не метаться по кровати, не приподымать крестца, не выгибаться назадъ и не откидывать назадъ головы. Надо также предупредить роженицу, чтобы она воздерживалась отъ скрежетанія зубами и отъ сильного сжатия челюстей (вредъ зубамъ), а также отъ сильного

крика, такъ какъ отъ этого потуги дѣлаются слабѣе, а после родовъ можетъ быть воспаленіе гортани. Лучше всего въ такихъ случаяхъ класть въ ротъ платокъ. На практикѣ часто происходитъ обратное. Нередко женщины надрываются — кричать съ подобающими проклятіями мужу, какъ главному виновнику всего несчастья. "Я кричала, какъ могла, чтобы мой... зналъ, какую я муку из-за него вынесла", — часто приходилось намъ слышать въ интимной бесѣдѣ "опытныхъ" матерей. Это въ среднемъ классѣ. Въ простонародіи стонать и охать при людяхъ (по окончаніи родовъ) надо, чтобы не сглазили, узнавъ, что роды легко дались».

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ (Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»)

«Если первый ребенок умирает вскоре после рождения, то считается, что и второй последует за ним. Чтобы предотвратить это, нужно как можно скорее совершить заклинание охраны. Это лежит на обязанности отца ребенка. Считают, что заклинание будет иметь гораздо большую силу, если отец ребенка сам произнесет его...

...Самым лучшим временем для "заклинания защиты ребенка" считаются первые три дня после новолуния. Заклинание совершают днем. Перед входом в шатер зажигают небольшой огонь и с обеих сторон его ставят много блюд с вареным или сушеным мясом. Исполнитель дает каждому из присутствующих по маленькому красному камню, вокруг которого, как ожерелье, обвязана полоска кожи. Затем он произносит заклинание:

"Ты не на этой Земле! Ты находишься внутри этого камня! Ветер не коснется тебя, и ледяная гора не раздавит тебя, так как разобьется о края камня. Ты

находишься не на берегу. В открытом океане живет большой морской зверь. Он был рожден вместе с Землей и Вселенной. Это — морской лев. Его спина словно остров, она покрыта землей и камнями, и ты находишься на его спине!"

Во время произнесения заклинания на шею ребенку надевают кожаное ожерелье. Исполнитель берет ребенка на руки и три раза обходит вокруг блюд с мясом, переступая через них взад и вперед, стараясь наступить на свои же следы, чтобы сделать их более отчетливыми и глубокими. Затем мясом, взятым из блюд, кормят огонь и главные «направления». Оставшееся мясо съедают присутствующие. Потом протыкают мочки в ушах ребенка и вставляют серьги. Каждая серьга сделана из трех маленьких цветных бусин. К одежде ребенка пришивают несколько дополнительных фигурок, сделанных из кожи. Затем меняют имя ребенку».